

V

Позиции Б. в том или другом вопросе напоминают иногда позиции Шухардта, иногда Есперсена, иногда Соссюра, а иногда в новейшее время и Жильберона. Я думаю, что все они независимо друг от друга приходили к своим мыслям, но несомненно, что все они друг другу симпатизировали. Подобно указанным ученым, Б. стоял вне господствовавшего направления и потому подобно им он имел в свое время сравнительно мало влияния вне круга своих непосредственных учеников¹ (чему, конечно, особенно способствовала малодоступность языков, на которых он большей частью писал). Зато для лиц, непосредственно с ним общавшихся, он был духовным вождем, от которого они получали в большей или меньшей мере смелость мысли, большой заряд критического отношения ко всяким пережиткам в науке (в частности и прежде всего к гипостазированию языка), безусловное уважение к живому языку и описательному языкознанию, строгое различие письменного и произносимого языка в связи с тем или иным знанием фонетики, твердо усвоенные фонологические идеи и наконец понимание тесной связи языковых явлений с социальной жизнью их носителей.

Подобно тому, как влияние Шухардта стало распространяться лишь в XX в., так лишь в самое последнее время некоторые идеи Бодуэна, особенно фонологические, начинают распространяться за пределы его школы и находить себе всеобщее признание. Поэтому можно особенно приветствовать мысль R. Jakobson'a (в *Slavische Rundschau*, Jahrgang I, Nr. 10)² об издании Baudouin-Brevier на подобие Schuchardt-Brevier: в наследии Б. очень и очень много такого, что является вполне актуальным и что будет еще долго возбуждать творческую мысль новых поколений лингвистов. И такая книга тем более необходима, что Б., обладая совершенно исключительной способностью к обобщениям и выводам, никогда не скупился на них, но свои идеи

¹ К их числу можно отнести: профессоров Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого, С. К. Булича, А. И. Александрова и отчасти акад. В. В. Радлова — представителей «Казанской» лингвистической школы, нашедшей себе продолжение в Петербурге в лице профессоров Л. В. Щербы, М. Р. Фасмера, рано погибшего К. К. Буги, А. Д. Руднева, акад. Б. Я. Владимирцова и более молодых — Е. Д. Поливанова, Э. Я. Блессе, А. П. Абеля, Л. П. Якубинского, недавно скончавшегося В. Б. Томашевского, П. В. Ершtedта, С. И. Бернштейна, Б. А. Ларина, А. П. Баранникова, В. В. Виноградова и др., не говоря о многих лингвистах-филологах, прошедших школу Б. Затрудняюсь назвать польских учеников Б., кроме К. Аппеля. Мне кажется, что проф. Г. Улашин тоже считает себя учеником Б.; про некоторых других боюсь сказать это с такой определенностью.

² Об этом уже говорили и издатели польского сборника в честь Б. «Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia jego działalności naukowej», Kraków, 1921, str. X.